

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S241377150017128-3

Русская судьба басенного творчества Джона Гей

© 2021 г. Д. Н. Жаткин

Доктор филологических наук,
профессор Пензенского государственного технологического университета,
Россия, 440039, Пенза, проезд Байдукова / ул. Гагарина, д. 1а/11
ivb40@yandex.ru

© 2021 г. Н. С. Футляев

Кандидат филологических наук,
старший преподаватель Пензенского государственного технологического университета,
Россия, 440039, Пенза, проезд Байдукова / ул. Гагарина, д. 1а/11
futljaew.n@mail.ru

Резюме. В статье впервые рассматривается история русской рецепции басенного творчества английского писателя Джона Гей (1685–1732) от истоков до наших дней. Отмечается, что пристальное внимание к басням Дж. Гей в последней четверти XVIII в. во многом было обусловлено интересом российского общества к книжным новинкам на французском языке, вследствие чего преобладали прозаические переводы поэтических текстов с языка-посредника, на фоне которых несомненно более успешными были поэтические прочтения английских оригиналов, созданные И. Ильинским. Последующий “всплеск” интереса к басенному наследию Дж. Гей в конце XIX в. связан с запросом общества на произведения зарубежных авторов, доступные массовому, простонародному читателю, ориентированные на традиционную культуру своих стран. В советский период басни Дж. Гей оказались на периферии предпочтений переводчиков и критиков, осмысливавших преимущественно драматургические тексты писателя (“Оперу нищего”, “Полли”). Исследования А.И. Жиленкова и переводы Е.Д. Фельдмана, опубликованные в последние десятилетия, обозначили новый этап русской рецепции, характеризующийся выявлением художественного своеобразия басен Дж. Гей, стремлением к максимально полному, целостному восприятию наследия Гей-баснописца с учетом античных и английских литературных традиций.

Ключевые слова: Джон Гей, басня, русско-английские литературные связи, поэтический перевод, рецепция, традиция, межкультурная коммуникация.

Благодарность. Статья подготовлена по проекту РНФ № 17-18-01006п “Эволюция русского поэтического перевода (XIX – начало XX в.)”.

Для цитирования: Жаткин Д.Н., Футляев Н.С. Русская судьба басенного творчества Джона Гей // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 5. С. 52–70. DOI: 10.31857/S241377150017128-3

The Russian Fate of John Gay's Fables

© 2021 Dmitry N. Zhatkin

Doct. Sci. (Philol.),
Professor of the Penza State Technological University,
1a/11 Baydukov Pass. / Gagarin Str., Penza, 440039, Russia
ivb40@yandex.ru

© 2021 Nikita S. Futljaev

Cand. Sci. (Philol.),
 Senior Lecturer of the Penza State Technological University,
 1a/11 Baydukov Pass. / Gagarin Str., Penza, 440039, Russia
 futljaev.n@mail.ru

Abstract. The article, in a pioneering effort, offers to consider the history of the Russian reception of the fable creativity of the English writer John Gay (1685–1732), from its beginnings to the present day. It is noted that close attention to the fables of J. Gay in the last quarter of the 18th century, this was largely due to the interest of the Russian society in novelties in French books; as a result, prosaic translations of poetic texts from an intermediary language prevailed, against which the poetical readings of English originals created by I. Ilyinsky were undoubtedly more successful. The subsequent “surge” of interest in J. Gay’s fable heritage at the end of the 19th century connected with the demand of society for the works of foreign authors, accessible to the mass, common reader, focused on the traditional culture of their countries. In the Soviet period, J. Gay’s fables found themselves on the periphery of the preferences of translators and critics who interpreted mainly the writer’s dramatic texts (“The Beggar’s Opera”, “Polly”). The research of A.I. Zhilenkov and the translations of E.D. Feldman, published in recent decades, marked a new stage of the Russian reception, characterized by the identification of the artistic originality of Gay’s fables, the desire for the most complete, holistic perception of the heritage of the Gay-fabulist, taking into account ancient and English literary traditions.

Key words: John Gay, fable, Russian-English literary relations, poetic translation, reception, tradition, intercultural communication.

Acknowledgments: The reported study was funded by RSF, project number 17-18-01006p “Evolution of the Russian Poetic Translation (19th – early 20th Centuries)”.

For citation: Zhatkin, D.N., Futljaev, N.S. *Russkaya sudba basennogo tvorchestva Dzhona Geya* [The Russian Fate of John Gay’s Fables]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 5, pp. 52–70. (In Russ.). DOI: 10.31857/S241377150017128-3

Интерес к басенному творчеству английского поэта Джона Гея (1685–1732), впервые проявившийся в России в последней четверти XVIII века, был обусловлен повышенным вниманием к выходившим во Франции книгам и периодическим изданиям. Басни Дж. Гея переводились с английского языка на французский, а затем с французского, выступавшего в качестве языка-посредника, на русский. Переводом басни “The Shepherd and the Philosopher” (“Пастух и философ”; во французских изданиях – “Le berger et le philosophe”), увидевшим свет в 1758 г. в журнале “Choix littéraire” [1, p. 103–106] и в 1764 г. в регулярном сборнике “Recueil pour l’esprit et pour le Cœur” [2, p. 205–208], заинтересовался анонимный русский интерпретатор, напечатавший первый русский перевод из Дж. Гея в мартовском номере издававшегося Н.И. Новиковым журнала “Утренний свет” за 1778 г. [3, с. 275–277]. Рядом с переводом басни Дж. Гея опубликованы еще два переводных произведения – “О дружбе” и “Саладин и Фатма”, взятые со страниц регулярных сборников “Nouveau recueil pour l’esprit et le Cœur”, являвшихся непосредственным продолжением “Recueil pour l’esprit et pour le Cœur” [4, p. 353–362];

[5, p. 10–16]. В.Д. Рак установил, что концовка перевода “Саладина и Фатмы” принадлежит В.А. Приклонскому; более того, «кучное расположение переводов в “Утреннем свете»» дало исследователю основание предположить, что “поступили они от одного лица” [6, с. 337]. Несмотря на некоторую неряшливость прозаического перевода, во многих местах напоминавшего подстрочник, переводчику удалось передать специфику диалога двух абсолютно разных персонажей – пастуха, жившего в гармонии с природой и потому избегавшего честолюбия, зависти и “скоростижных слов”, и философа, выносящего из диалога впечатление о собеседнике: “Ты достоин славы <...>, ты добродетелен, следовательно, и премудр. Одно тщеславие водит авторское перо, и книги, так же как и люди, заражены. Обучаясь законам природы, утверждают правила ее на достоверной истине; и сия школа весьма достаточна для ниспослания человеку нравов премудрости и благодати” [3, с. 277].

В 1783 г. в университетской типографии Н.И. Новикова были опубликованы в двух частях “Басни господина Ге. С англинского на французской, а с сего на российской язык переведенные” [7],

вместившие 40 и 15 басен Дж. Гея соответственно, взятые из французского перевода М.-Ф. Кералио “Fables de M. Gay... traduit de l'anglois; par Madame de Keralio” (Londres – Paris, 1759) и переданные прозой неизвестным отечественным переводчиком. Количество частей, а также их содержание было предложено самим Дж. Геєм, первый сборник басен которого вышел в 1727 г., а второй посмертно в 1738 г.; при переводе были опущены три басни: одна из первого сборника (“The Sick Man and the Angel”) и две из второго (“The Ravens, the Sexton, and the Earth-worm”, “Ay and No”). Басням предпослано заимствованное из французского издания “Житие Иоанна Ге, взятое из дополнения Белева лексикона”, дающее поверхностное представление о жизни и творчестве английского поэта. Так, в отношении басен отмечены дата написания первого тома (1725 г.), посвящение его герцогу Камберлендскому, а также финансовая помощь герцога Куинсберри при публикации второго тома. Основная часть предисловия посвящена “Опере нищего”, ее ошеломительному успеху, позволившему оттеснить итальянскую оперу с английских подмостков, а также печальной участи пьесы “Полли”, продолжения “Оперы нищего”, запрещенной к постановке. Значимость фигуры Дж. Гея для литературного процесса эпохи подчеркивается в предисловии участием великих современников в его судьбе. Например, приводятся строки из письма А. Поупа Дж. Гею от 23 сентября 1714 г., в котором выражена радость в связи с возвращением Дж. Гея в Англию: “Если ты счастлив, то беру я участие в твоём благополучии; но если ты злополучен, то и в самое гневное время сыщешь место в моём сердце <...>; кто бы ты таков ни был, или в каком бы состоянии ты ни находился, желаю я тебе совершенного блага” [7, ч. I, с. IV–V]; на смерть Дж. Гея А. Поуп откликнулся эпитафией, содержавшей восторженную оценку современника: “Будучи любезен по своему нраву и умерен в своих склонностях, соединял Ге мужественный разум с детской простотою; естественная веселость ограничивала в нём страсть к добродетели <...>; жизнь его была без порицания, смерть его оплакиваема” [7, ч. I, с. XVII]. Ещё один аргумент в пользу Дж. Гея содержится в процитированной в “Житии Иоанна Ге...” свифтовской апологии “Оперы нищего” из № 3 дублинского журнала “The Intelligencer” (“Вестник”) за 1728 год, где произведение Дж. Гея было названо несравненным: “Хотя худой вкус и мог возыметь верх в Дублине, где г. Ге находился, но в Лондоне трудно было вообще понравиться великому числу и принудить молчать самых поприцателей. Я говорю то, что мы называем забавой,

или увеселением (humor), есть превосходнее разума, когда оно соединяет в себе полезное и приятное” [7, ч. I, с. VIII–IX].

Сборник “Басни господина Ге” представил Дж. Гея русским читателям как выдающегося английского поэта, остававшегося неизвестным в России, причём его значимость, как видим, была нарочито преувеличена с опорой на высказывания А. Поупа и Дж. Свифта. О том, что вклад Дж. Гея в развитие английской литературы оценивался в конце XVIII в. очень высоко, свидетельствует, в частности, тот факт, что пять его басен в подлиннике (“The Father and Jupiter”, “The Scold and the Parrot”, “The Lady and the Wasp”, “The Miser and Plutus”, “The Sheppard and the Philosopher”) вошли в хрестоматию “Избранные сочинения из лучших аглинских писателей прозою и стихами, для упражнения в чтении и переводе”, опубликованную В.С. Кряжевым в 1792 г. [8, с. 84–92] и содержавшую наряду с названными баснями сочинения Шекспира, А. Поупа, Дж. Аддисона и Дж. Томсона. Можно предположить, что именно данная хрестоматия, включавшая оригиналы произведений, позволила отдельным русским интерпретаторам впервые ознакомиться с английскими первоисточниками, что косвенно подтверждает появление в 1796 г. в “Приятном и полезном препровождении времени” прозаического перевода басни “Пастух и философ”, осуществлённого Н.Р. Политковским и опубликованного за подписью Н. Плтк [9, с. 333–336].

Сопоставляя три прозаических перевода басни “The Sheppard and the Philosopher”, осуществлённые в последней четверти XVIII в., нельзя не признать наиболее успешной самую раннюю интерпретацию, созданную предположительно В.А. Приклонским. Тщательный подбор интерпретатором средств языковой выразительности позволил избежать многословия, характерного для двух других переводов “The Shepherd and the Philosopher”. Например, при переводе третьего стиха “His head was silver’d o’er with age” автор “Утреннего света” следует за текстом оригинала – “Лета украсили главу его сединою” [3, с. 275], причём использованная им лексема *лета* выигрывает в сравнении с *древностью* или *ветхостью лет*, ср.: “...древность покрыла инеем его главу” [7, с. 1]; “Ветхость лет посребряла главу его” [9, с. 333].

Трудными для перевода оказались стихи “In summer’s heat and winter’s cold, / He led his flock and penn’d the fold”, сообщавшие о каждодневной работе пастуха, который в летнюю жару и в зимний холод пас свое стадо и возвращал его в загон.

И здесь вновь относительно успешен в передаче замысла Дж. Гея переводчик “Утреннего света”, чье прочтение при всей лексико-грамматической архаичности выглядит цельным: “Во время летних жаров пас он свою скотину, а зимой загонял ее во клевы” [3, с. 275]. Вариант отдельного издания “Басен господина Ге” дополнял подлинник указанием на прилежность пастуха, а также устранял заключительную деталь, связанную с возвращением стада (“penn’d the fold”): “Он во время летнего зноя и зимы прилежно пас свои стада” [7, с. 1]. Еще более неточен Н.Р. Политковский, в переводе которого герой не пасет (“led”), а кормит стада; к тому же упоминание о зимнем холоде, антонимически противопоставленном летней жаре, происходит с нарочитым усилением, заменой *холода* на *стужу*: “В знойное время лета и в стужу зимнюю он кормил стада свои и загонял в хлева” [9, с. 333].

Интересна и вполне достоверна трактовка переводчиком “Утреннего света” строк о философе, который пришел к пастуху, имея знания и жизненный опыт: “A deep philosopher (whose rules / Of moral life were drawn from schools) / The shepherd’s homely cottage sought, / And thus explor’d his reach of thought” — “Славный философ, почерпнувший во школах правила нравоучительные жизни, посетил пастуха в его хижине, желая измерить пространство его разума” [3, с. 275]. Перевод из отдельного издания “Басен” заметно утяжелен избыточными лексемами, при этом вместо *школ* названы некие *училища*, давшие философу представление о нравственных правилах: “Некоторый славный философ, почерпнувший в **училищах** правила моральной жизни, **пришел навестить** его хижину **с намерением измерить** пространство **закрывающегося в нем** разума” [7, с. 2]. В варианте перевода, предложенном Н.Р. Политковским, — «один глубокомысленный Философ — коего правила моральной жизни были почерпнуты в школах — посетил **мирную** хижину пастуха. Желая изведать его, и **показать свой разум**, спрашивал его: “Где ты учился?”» [9, с. 333] — можно видеть не только утяжеление, но и искажение смысла оригинала, в котором философ приходит к пастуху, “деревенщине” (англ. *swaine* — деревенский парень, деревенщина), чтобы задать ему вопрос, а не показать свои знания, превосходство над собеседником.

Перевод, напечатанный на страницах “Утреннего света”, отличается стремление представить читателю не дословный перифраз, а корректное понимание авторского замысла при сохранении художественных деталей. В словах пастуха,

проводившего свою жизнь на пастбищах, не читая книг, философских трактатов, не может быть лексических изысков, его речь должна оставаться скупой и невыразительной, при этом задача интерпретатора сводится к передаче полноты рассуждений. В “Утреннем свете” речь пастуха вполне приближена к реальной, например, он говорит: “...от голубя получаю я правила постоянства и любви супружние” [3, с. 276]; ср. вычурные высказывания в других переводах: “...от голубицы получаю **наставление в брачном целомудрии и любви**” [7, с. 2]; “...в постоянстве и любви супружеской **я обучаюсь у моей должности** у голубей” [9, с. 335]. Вряд ли пастух Дж. Гея мог произнести оборот “распостирая спасительные свои крылья над юными птенцами” [7, с. 3], использованный в издании “Басен господина Ге”, равно как и высокопарный, сугубо литературный оборот из перевода Н.Р. Политковского “укрывающая в холодное время птенцов своих под теплыми крыльями” [9, с. 334–335]. Вероятно, он ощущал свою правоту, “покрывая крыльями маленьких детенышей своих, для защищения их от стужи” [3, с. 276]; и эти неброские слова идеально соответствовали образу деревенского труженика. Выражение “chilly air” — *холодный ветер*, переведенное в варианте “Утреннего света” как *стужа*, также ближе оригиналу в сравнении с *холодом* и *холодным временем* у других интерпретаторов. Конкретный *голубь*, упомянутый Дж. Геом, становится *голубицей* в отдельном издании басен и *голубями* в “Приятном и полезном препровождении времени”. Также в сборнике “Басни господина Ге” при переводе слова “shepherd” (“пастух”) избран устаревший с религиозным наполнением вариант — *пастырь*, что вряд ли можно считать оправданным.

Отметим, что в последующие столетия, вплоть до начала XXI в., басня Дж. Гея “The Shepherd and the Philosopher”, одно из самых узнаваемых его произведений, обладавшая существенной художественной и нравоучительной ценностью, не привлекала отечественных интерпретаторов. Ранние переводы “The Shepherd and the Philosopher”, выполненные в прозе с французского языка-посредника, равно как и перевод Н.Р. Политковского, далеки от современных требований к художественному переводу, а потому воспринимаются ныне прежде всего с позиций их историко-культурной значимости.

Начало XIX в. ознаменовало новый взгляд отечественных переводчиков на творческое наследие Дж. Гея, в частности, их внимание впервые привлекла не басня, а баллада “Sweet William’s Farewell

То Black-Ey'd Susan", анонимная прозаическая интерпретация которой "Приятное прощание Вильяма с черноглазую Сусанной" была напечатана в 1800 г. на страницах журнала "Иппокрена, или Утехи любословия" [10]. В 1801 г. Н.М. Карамзин в книге "Письма русского путешественника" упоминает имя Дж. Гея как творца "Оперы нищего", "самого остроумнейшего произведения английской литературы... и самого противного человеку с нежным нравственным чувством", после чего приводит в собственном переводе строки его эпитафии: "Всё на свете есть игра, жизнь самая ничто: / Так прежде думал я, а ныне знаю то" [11, с. 375]; ср.: "Life is a jest; and all things show it, / I thought so once: but now I know it" ("Epitaph"). Как видим, Н.М. Карамзин допустил неточность в трактовке английской лексемы "jest" ("шутка, насмешка"), интерпретировав ее как *игру*, что привело к изменению смыслового наполнения всей эпитафии.

Наконец, в 1809 г. русский переводчик В.Н. Берх, печатавшийся за подписью Ва-й Бе-х, обратился к еще одной странице жизни Дж. Гея и его современников Дж. Свифта, А. Поупа, Дж. Арбетнота, Т. Парнелла и виконта Болингброка, в 1710-е гг. состоявших в клубе консервативно настроенных литераторов "Scriblerus Club" ("Кружок Мартина Писаки") и создававших (часто в соавторстве) многочисленные памфлеты; впервые на русский язык был переведен один из памфлетов "A specimen of Scriblerus's reports. Stradling versus Stiles", увидевший свет в журнале "Северный Меркурий" под названием "Спор о лошадях. Скриблерусов рапорт о деле, совершившемся в Надворном суде" [12, с. 250–256]; и хотя Дж. Гей не являлся автором данного памфлета, публикация послужила толчком к осмыслению деятельности "Кружка Мартина Писаки", секретарем которого был Дж. Гей, как существенного явления в литературной жизни Англии. Представляя труды и похождения вымышленного персонажа Мартина Скриблеруса, участники кружка в бурлескных и сатирических произведениях разных жанров осуждали педантизм, невежество и бездарность в науке и творчестве, причем наиболее остро критиковались "литературные ничтожества", в частности "высокопарные трагедийные и эпические поэты — эпигоны классицизма", чей ложный пафос высмеивался в трактате "Peri Bathos, или Искусство погружения в поэзии", написанном А. Поупом [13, с. 45]. Произведения, созданные участниками кружка от имени Мартина Скриблеруса, в большинстве своем не переведены на русский язык, однако детально осмыслены в исследовании Е.П. Зыковой,

увидевшей "дух времени" в том обстоятельстве, что кружок ставил перед собой задачи "не чисто литературные, а общекультурные" [14, с. 42], стремился откликаться на научные изобретения, причем делать это с нарочито невежественных позиций, тем самым побуждая читателей отказаться от безоглядной веры печатному слову и приучиться самостоятельно мыслить. Е.П. Зыкова отдельно останавливалась на произведениях Дж. Гея, обусловленных литературно-политической борьбой 1710-х годов и наиболее соответствующих духу "скриблерианы", — одноактной пьесе "Как это назвать, или траги-коми-пасторальный фарс", в которой «сочетание абсурдного действия с высокопарными речами давало возможность высмеять современные трагедии, в том числе "Катона" Аддисона», созданном совместно с А. Поупом «Полном ключе к новому фарсу "Как это назвать"...», авторы которого "старательно донесли до читателя все скрытые цитаты из высмеиваемых трагедий и аллюзии на них, которые на слух зрителю трудно было уловить", и на написанном А. Поупом, Дж. Арбетнотом и Дж. Геем фарсе "Три часа после свадьбы", главный герой которого антиквар Фоссил являл собой одну из вариаций образа Мартина Скриблеруса [14, с. 44]. Также с деятельностью "Кружка Мартина Писаки" исследователь соотносила и замысел геевской "Оперы нищего", в основу которого легла поданная в 1716 г. Дж. Свифтом идея написать "ньюгейтскую пастораль" [14, с. 45].

Как видим, внимание переводчиков все отчетливее распространялось на все жанровое многообразие произведений Дж. Гея, при этом не были забыты и басни; ориентированность на язык оригинала и поэтическое изложение материала способствовали повышению качества русских интерпретаций. Известно, что одно из французских изданий басен Дж. Гея [15] имеется в библиотеке В.А. Жуковского (см.: [16, с. 160]; [17, с. 96]; [18, с. 371]); там же находится и сборник поэтических произведений Дж. Гея на английском языке [19]; см. также: [16, с. 361].

Только в 1805 г., спустя три четверти века после выхода первой части басен Дж. Гея, российский читатель смог впервые ознакомиться на страницах "Журнала для пользы и удовольствия", издававшегося в Петербурге А.А. Варенцовым, с поэтическими переводами отдельных произведений баснописца, выполненными непосредственно с английского подлинника. В мартовском номере была опубликована басня "Чертоги смерти" [20, с. 228–230], в апрельском — "Отец и Юпитер" [21, с. 64–66], в майском — "Заяц и его

друзья” [22, с. 115–117]; см. также: [23, с. 462–463], в ноябрьском — “Человек и муха” [24, с. 147–148], причем если в отношении первых трех переводов указана их принадлежность И. Ильинскому, то последний напечатан анонимно и лишь предположительно выполнен тем же переводчиком. Все эти переводы, к настоящему времени окончательно забытые, в основном отличались хорошим профессиональным уровнем и отражали не только лексические особенности оригиналов, но и их яркую социальную направленность. Явной неудачей можно считать только первый из названных переводов, при создании которого честолюбие интерпретатора, вступившего в творческое соперничество с английским баснописцем, привело к полной трансформации оригинального замысла, хотя внешне были сохранены и все персонажи остросоциальной басни Дж. Гея “The Court of Death” (Смерть, Горячка, Подагра, Чихотка, Чума), и описание изумительного ночного собора, и жаркий спор за право обладания жезлом, и закономерный результат этого спора. По сути, русскому читателю был представлен не перевод басни Дж. Гея, а созданное по ее мотивам произведение И. Ильинского, в котором относительно точно переданы только четыре стиха третьей строфы: “Tis I who taint the sweetest joy, / And in the shape of love destroy: / My shanks, sunk eyes, and noseless face, / Prove my pretension to the place” [Это я оскверняю самую сладкую радость / И в образе любви разрушаю: / Мои голени, запавшие глаза и безносое лицо / Доказывают мои притязания на это место]¹ — “Приятность жизненну, сладчайшу, помрачаю / И в образе любви род смертных истребляю? / И чресла и глаза и мой безносый зрак / Не ясно ль говорят, людей я мучу как?” [20, с. 229].

Отказавшись от деления басни на строфы, сократив текст, И. Ильинский внес в свою интерпретацию разнообразные дополнения, которые в ряде случаев вполне гармонируют с замыслом Дж. Гея. Например, переводчиком был опозитирован внешний облик Смерти: “Во все величие надгробных риз одета” [20, с. 228]; ср.: “In all his romp of terror sate” [При всей своей пышности ужаса]. Удачной представляется попытка представить каждого из претендентов на обладание жезлом, в особенности Чуму: “Чума возвысила за сею [Чихоткой] громкий глас: / А я ражу людей по тысячам на час!” [20, с. 230]; ср.: “Plague represents his rapid power, / Who thinned a nation in an hour” [Чума олицетворяет ее [Смерти] быструю силу, / Которая за час проредила целую

нацию]. Вместе с тем, в прочтении И. Ильинского встречаются спорные и неудачные толкования, в частности некорректное восприятие *эбенового посоха* (“ebon wand”) как *золотого жезла*; этот образ вызвал затруднения и у современного переводчика Е.Д. Фельдмана, предложившего вариант “жезл из слоновой кости” [25, с. 455]. Если Смерть в басне Дж. Гея лишь сообщает, что каждый прислужник должен высказать свои притязания на жезл, но только достойный будет владеть им (“Let every servant speak his claim; / Merit shall bear this ebon wand”), то в переводе И. Ильинского появляется дополнение, искажающее смысл всего фрагмента: “И жезл сей золотой тому в награду дан, / **Кто роду смертному творит всех злее муки**” [20, с. 228]. Неуместными оказываются попытки придать Смерти человеческие черты, представляя ее Царицей, в чем трудно не усмотреть русификацию (“При сих словах весь двор простер к Царице руки” [20, с. 229]; “И все жестокости Царице представляет” [20, с. 229]), или Монахиней (“Реши Монахиня, не мне ль сей жезл идет?” [20, с. 229]). В басне Дж. Гея говорится об отсутствии врачей на зловещем собрании (“What, no physician speak his right! / **None here!** but fees their toils requite”); напротив, у И. Ильинского они не только находятся в соборе, но и радостно восклицают: “Мы здесь Царица, здесь!” [20, с. 230], после чего получают ответную реакцию Смерти, отмечающей, что людская невожатанность приводит к болезням, дающим врачам работу и вознаграждение за их труд. Как видим, стремясь отойти от буквальных прочтений, И. Ильинский допускал неоправданно вольные и многословные толкования многих фрагментов, приводившие как к утрате значимых художественных деталей, так и к привнесению в описания новых смыслов.

В процессе перевода басни “The Father and Jupiter” И. Ильинский попытался избежать нарочитой вольности, присутствовавшей в прочтении “The Court of Death”, причем успешно справился с задачей, сохранив остроумную тональность произведения Дж. Гея. Большая часть недочетов интерпретатора приходится на концовку перевода, посвященную дочери главного героя; эта концовка оставляет впечатление разрозненности, сумбурности, когда за весьма невыразительным упоминанием героини, что, “прославясь красотою, / Окружена была вздыхателей толпою”, следовало пространное описание, представлявшее смену событий: “Пока еще в играх весна ее цвела, / Кокетствуя зимы представить не могла, / Но лишь ее краса морщинами покрылась, / Презренная от всех, с досады — отравилась!” [21, с. 65]. Для Дж. Гея важно отметить раннее созревание

¹ Здесь и далее подстрочный перевод — наш. — Д.Ж., Н.Ф.

дочери героя (“Beauty with early bloom supplies”), ее развязность, самоуверенность, дерзость (“His daughter’s cheek”), желание стрелять глазками (“points her eyes”). Поэт называет ее тщеславной кокеткой, презирающей каждого из поклонников, упивающейся их страданиями: “The vain coquette each suit disdains / And glories in her lover’s pains”; но красота страстной строптивницы увядает с годами (“fade with age”), и кавалеры разлетаются (“each lover flies”), оставляя ее презренной, несчастной и тоскующей (“contemned, forlorn, she pines”). В трактовке И. Ильинского героиня отравилась, тогда как у Дж. Гей она всего лишь умерла (“die”).

Несомненным достоинством перевода И. Ильинского стало придание обыденным описаниям английского оригинала экспрессии, выразительности, отчасти пафосности. Например, лексема “wondered” (“тревожить, беспокоить”) переведена оборотом “к небесам воззвал”, невыразительный кивок Юпитера в знак согласия (“Jove nods assent”) заменен пафосной фразой “И сей услышан глас” [21, с. 64]. Просьба отца о защите своего потомства, звучащая в оригинале холодно, сдержанно и даже отстраненно (“Make my loved progeny thy care” [Позаботься о моем любимом потомстве]), у русского интерпретатора выглядит правдивее, душевнее, содержит нотки тревоги, которые обязательно должны присутствовать в речи любящего отца: “Прими под кров детей...” [21, с. 65]. Удачным представляется сокращение переводчиком двух стихов “Let my first hope, my favourite boy, / All fortune’s richest gifts enjoy” до одного: “Чтобы мой первый сын всем счастьем наслаждался” [19, с. 65]; при этом, опуская слова “my first hope” (“мое первое желание, просьба”), И. Ильинский избегал параллелей со сказочными сюжетами об исполнении желаний, неизбежно снижавшими драматизм описания, всю атмосферу фрагмента.

Характерный почерк И. Ильинского, точно отражающего дух подлинника, но при этом склонного к лексическим вольностям, сохранился в его интерпретации басни “The Hare and Many Friends”. Неясно, почему *зайчиха* Дж. Гей (“Her care was never to offend, / And every creature was her friend. / As forth she went at early dawn, / To taste the dew-besprinkled lawn, / Behind she hears the hunter’s cries, / And from the deep-mouthed thunder flies. / She starts, she stops, she pants for breath; / She hears the near advance of death; / She doubles to mislead the hound, / And measures back her mazy round”) становится в русском переводе *зайцем*, почему *коза* (“The goat remarked her pulse was high, / Her languid head, her heavy eye; / “My back,” says she,

“may do you harm”) оказывается *козлом*, а *баран* (“The sheep was feeble, and complained / His sides a load of wool sustained: / Said he was slow, confessed his fears; / For hounds cat sheep, as well as hares”) — *овцой*. Интерпретатор вновь прибегнул к трансформации целых фрагментов, причем в данном случае оказалась затронутой ключевая часть басни — ее мораль. Дж. Гей сравнивает приятельство, возвышенно именуемое дружбой, с ребенком, воспитываемым несколькими отцами, но при этом не знающим отеческой заботы: “The child, whom many fathers share, / Hath seldom known a father’s care”; утрата этого сравнения обеднила русское прочтение, оказавшееся лишенным выразительности: “Знакомство, дружество пустая суть названья / Когда заводим их без всякого вниманья; / Приятелей себе кто многих наберет — / Едва ль и одного в несчастьи найдет” [22, с. 115]. Предлагаемая И. Ильинским трактовка отдельных лексем и целых стихов вызывает вопросы, в частности, чем обусловлена замена лексемы *love* (“любовь”) на *дружество*; каким образом слова о приятелях зайца, охотящихся в лесу или пасущихся на равнине (“Who haunt the wood, or graze the plain”), вдруг трансформируются в рассказ про скотов, “которые без рог и с колкими рогами” [22, с. 115]; чем обусловлены пропуск выражения *dew-besprinkled* (“обрызганный росой”) в стихах о лужайке, на которую рано утром вышла, чтобы пощипать траву, зайчиха, и привнесение дополнительной детали — “запрятался в кусток” [22, с. 115]; почему прозрачный по смыслу оборот *her pulse was high* (“ее пульс был высоким”) был переведен как “отменно жил [кровеносных сосудов] биенье” [22, с. 116].

В целом, оценивая переводы, увидевшие свет в “Журнале для пользы и удовольствия”, следует признать, что, будучи первыми поэтическими прочтениями произведений английского баснописца, они неизбежно содержали в себе отпечаток тех трудностей, которые испытывал интерпретатор, не всегда точно понимавший смысл подлинника, а также влияние переводческих принципов эпохи, допускавших вольность трактовок, спор переводчика с переводимым автором. Вместе с тем, интерпретатору неизменно удалось передать настроение подлинника, а в отдельных случаях и максимально приблизиться к нему в трактовке художественных деталей. Последнее в особенности относится к переводу басни “The Man and the Flea”, который, будучи опубликованным под названием “Человек и муха”, с самого начала содержал неточность, обусловленную созвучностью и внешним сходством английских лексем *flea* (“блоха”) и *fly* (“муха”) (см.: [24, с. 147]).

Однако эта неточность, по сути, оказалась единственной, а сам перевод, несмотря на некоторую архаичность языка и стиля, выдающую время его создания, можно по праву относить к числу лучших интерпретаций басен Дж. Гей.

Публикации в “Журнале для пользы и удовольствия” подвели итог раннему этапу русской рецепции басенного творчества Дж. Гей. В дальнейшем, вплоть до конца XIX столетия, творческое наследие английского писателя находилось на периферии переводческого и литературно-критического восприятия. Его имя лишь изредка появлялось на страницах переводных историй зарубежных литератур, а также создававшихся с опорой на них отечественных историко-литературных трудов. Так, в опубликованном в России в 1863 г. в переводе А.Н. Пыпина первом томе “Истории всеобщей литературы” Г. Геттнера Дж. Гей, наряду с М. Прайором, назван заслуживающим внимания автором из круга “бесчисленных подражателей Попа [Поупа]” [26, с. 214], причем отдельно отмечены басни Дж. Гей, “возвышающиеся нередко до небольших юмористических рассказов” [26, с. 215] и остающиеся любимой книгой английских детей; из прочих произведений английского автора Г. Геттнером упомянуты поэма “The Rural sports, a Georgic” (“Сельские удовольствия”), идиллия “The Shepherds Week” (“Неделя пастуха”) и знаменитая “Beggars Opera” (“Опера нищего”). Представления Г. Геттнера практически дословно повторены в четвертом томе составленной В.Р. Зотовым компилятивной “Истории всемирной литературы в общих очерках, биографиях, характеристиках и образах”, вышедшем в 1882 г., где говорится о “хороших” баснях, “знаменитой” “Опере нищего”, ставшей “пародией на бессодержательность и пустоту итальянской оперы”, а также о трех других значимых произведениях Дж. Гей — шуточной идиллии “The Shepherds Week”, описательной поэме “The Rural sports, a Georgic”, “бурлескном стихотворении” “Trivium, or The Art of Walking the Streets of London” (“Тривия, или Искусство ходить по улицам Лондона”) [27, с. 473]. Тот же перечень достижений Дж. Гей назван и в переводной “Иллюстрированной всеобщей истории литературы” И. Шерра, где упомянуты “хорошие” басни, “шутливая” идиллия “The Shepherds Week”, в которой проявилось свойственное английскому автору “художественное чутье природы”, описательная поэма “The Rural sports, a Georgic” и пользующаяся “славой классического произведения” “Beggars Opera” [28, с. 57].

В 1871 г. на русский язык была переведена книга французского философа, теоретика искусства и литературы И. Тэна “Развитие политической и гражданской свободы в Англии в связи с развитием литературы”, в которой Дж. Гей назван “подобием английского Лафонтена, настолько близким к Лафонтену, насколько возможно для англичанина, т.е. весьма мало”; в личностном плане баснописец был охарактеризован как человек “добрый, любящий, живой, весьма искренний, чрезвычайно наивный <...> и сохранивший молодость до конца дней своих” [29, с. 381]. “Оперу нищего” И. Тэн не принимал, считая “самой зверской и грязной из карикатур”, басни же называл “самыми гуманными”, сочиненными с целью “развить сердце” [29, с. 381] юного герцога Камберлендского, прозванного впоследствии “камберлендским мясником” (“Butcher Cumberland”) за жестокое подавление якобитского восстания. Надевая маску “любимого паразита и домашнего поэта герцога Куинсберри” [29, с. 381], позволявшего себе колкости в сторону знати, остававшиеся безнаказанными, Дж. Гей, по мысли И. Тэна, сохранял свою творческую индивидуальность, в особенности проявившуюся в поэме “Trivium, or The Art of Walking the Streets of London”, некоторых других произведениях, не относящихся к числу самых известных: “Гей — любитель реального; у него ясная определенность воображения, вследствие которой он не охватывает предметы в массе, одним общим взглядом, но рассматривает их один за другим, каждый со всеми его контурами, со всей окружающей обстановкой, несмотря на то, хорош или дурен рассматриваемый предмет, чист или грязен” [29, с. 383]. Именно этот подход к художественному описанию, как отмечает И. Тэн, решительно выделяет Дж. Гей из общего ряда его современников, в т.ч. и таких выдающихся, как А. Поуп и Дж. Свифт.

А.Н. Веселовский в статье “Английская литература XVIII века” (1888) назвал Дж. Гей “писателем средней руки” [30, с. 854] и, не упомянув про басни, отметил лишь одно его произведение — “Оперу нищего”, бойкий юмор которой не был лишен “политической подкладки”, связанной с выявлением “родового сходства” между лондонскими ворами и представителями высшего света, — “зурядные ли плуты подражают министрам или последние заимствуют приемы воришек” [30, с. 855].

В 1895 г. в стихотворном сборнике “Песни Англии и Америки: Песни, сказания, басни и притчи” увидели свет четыре перевода басен Дж. Гей, выполненные А.П. Барыковой, — “Мудрец и фазаны”, “Пифагор и крестьянин”, “Овчарка и

волк”, “Овца и кабан” [31, с. 5–10]. А.П. Барыковой удалось создать в целом удачный перевод басни “The Philosopher and the Pheasants”, не избежавший, впрочем, досадного недочета, связанного с неоправданной заменой рода действующих лиц (ранее этот недочет отмечался в интерпретации басни “Заяц и его друзья”, созданной И. Ильинским); самка фазана, о которой писал Дж. Гей, в русском прочтении становится фазаном-отцом, что выглядит крайне нелогично, поскольку именно самка высиживает птенцов, ср.: “High on the branch a pheasant stood, / Around **her** all **her** listening brood; / Proud of the blessings of **her** nest, / **She** thus a **mother's** care expressed” — «<...> там сидел **фазан-отец**, / Неопытных птенцов усердно поучая: / “В лесу, — шептал **он** им, — вы проживете век / Беспечно, радостно в тени ветвей порхая» [31, с. 5]. Более существенным недостатком перевода можно считать купирование басенной морали, из шести стихов которой оказались опущенными последние четыре (“Man then avoid, detest his ways; / So safety shall prolong your days. / When services are thus acquitted, / Be sure we pheasants must be spitted”), подводившие итог беседы матери с птенцами и содержавшие наставление думать о безопасности и избегать встречи с человеком, который при первой потребности заметит фазанов и насадит их на вертел.

При переводе басни “Pythagoras and the Countryman” А.П. Барыкова допустила множество просчетов, в частности использование русифицированной лексики *хутор* вместо *farm* (“ферма”), неверное толкование оборота *on the ladder's topmost round* (“на самой верхней ступени лестницы”) как “на лестнице высокой” [31, с. 6], приведшее ко всему прочему и к изменению рифмовки внутри строфы; привнесение в описание дополнительного смыслового нюанса “услышав издали [стук молотка]” [31, с. 7], диссонирующего с общим контекстом, из которого видно, что герой пришел на хутор и находится в непосредственной близости от происходящего [31, с. 6]. В репликах крестьянина появляются новые мотивы, напрямую не соотносимые с подлинником, в частности, прибывая к забору пойманного коршуна, он восклицает “Пусть поглядят, / Как их — воров — казнят!” [31, с. 7], что усиливает социальное звучание эпизода. При интерпретации стихов “When Heaven the world with creatures stored, / Man was ordained their sovereign lord”, акцентирующих предопределенность господства человека в мире, А.П. Барыкова не только заменяет лексику *Heaven* (“небеса”) упоминанием *Бога*, но и считает необходимым порассуждать на тему, лаконично обозначенную английским автором: “<...> Сам Бог

нам право дал / Господства над зверями; людям на служенье / Все твари созданы; таков уж их предел, / Чтоб человек их ел!” [31, с. 7].

Из басни “The Shepherd's Dog and the Wolf” А.П. Барыковой был переведен небольшой фрагмент (12 из 34 стихов), причем без соблюдения принципа эквилинейности (русский текст разросся до 17 стихов). Смысловая концентрированность басни Дж. Гея в результате небрежного отношения переводчицы к форме оригинала оказалась утраченной, появилось многословие, вызванное необходимостью сохранения ритмического рисунка и рифмы подлинника, но при этом не несущее никакого содержательного наполнения. Так, двустопные “As such when hunger finds a treat, / 'Tis necessary wolves should eat”, сообщающие о волках, поедающих других животных для утоления чувства голода, расширено А.П. Барыковой до четверостишия, наполненного разглагольствованиями: “Как с голоду живот / Нам подведет, / Кого попало, мы хватаем / И поневоле убиваем” [31, с. 8]. Подобным же образом расширен фрагмент, в котором происходит сравнение волка, съедающего время от времени (“now and then”) одну овцу, с людьми, поедающими их десятками тысяч (“Ten thousands are devoured by men”), причем в данном случае не только возникает неоправданное многословие, но и разрушается характерная рифмовка подлинника (abbabb вместо aabb у Дж. Гея): “Мне — волку — изредка барашек попадется / Один-другой; / А десять тысяч их ведется на убой / И добрым людям достается!” [31, с. 8].

Неудачным можно считать и перевод басни “The Wild Boar and the Ram”, в котором А.П. Барыкова, сохранив тональность подлинника и сравнительно неплохо интерпретировав его концовку, допустила неоправданные вольности, разрушение стилистического единства лексики, замену конкретных деталей описаниями, что в итоге создало впечатление поспешности, невнимательности к оригинальному тексту. Уже в первом стихе басни Дж. Гей говорит о человеческой жестокости, описывая овцу, привязанную к дереву (возможно, подвешенную на дереве, которое могло использоваться для разделывания туши), что не может в полной мере передать А.П. Барыкова: “Покорная овца безвинно умирала / На бойне под ножом кровавым мясника” [31, с. 8]. Если в английском оригинале представлена будничная атмосфера фермерской жизни, лишенная ярких живописных красок, в результате чего овца оказывается привязанной к дереву, нож мясника окрашивается кровью, а испуганное стадо смотрит издали

на происходящее, то русский перевод сразу перемещается в пафосную тональность, наполняется кричащим надрывом, упоминаниями бойни, “робкого безропотного” стада, которое “топчется в пыли” [31, с. 9], ожидая встречи со злодеем. Единственным “бушующим”, свирепым персонажем в подлиннике является кабан, призывающий к мести, к бунту, к какому-либо действию, способному изменить повседневную рутину. Дж. Гей уже в названии басни акцентирует внимание, что его герой — не просто кабан (как в русской трактовке), а именно *wild* — дикий кабан, *savage boar* — свирепый вепрь, который не просто проходил мимо (как это представлено А.П. Барыковой), а был неоднократным свидетелем одной и той же привычной картины из фермерской жизни, стоя рядом со стадом (“A savage boar, who **near them stood**”). Именно поэтому призыв дикого кабана отомстить за разрубленных (четвертованных) отцов (“quartered sires”), обескровленных матерей (“bleeding dams”), за блеяние умирающих беспомощных ягнят (“the dying bleat of harmless lambs”) звучит у Дж. Гея пугающе и агрессивно. Избегая долгих изящных фраз, Дж. Гей представлял речь героев предельно лаконичной, что только усиливало ее ненавязчивую экспрессивность. Все эти особенности подлинника не смогла сохранить А.П. Барыкова, что особенно проявилось в отсутствии значимого для Дж. Гея контраста между невозмутимым древним бараном, ожидающим скорого убоя, и эмоциональным кабаном, продолжающим жить.

В советскую эпоху основное внимание исследователей и переводчиков было сосредоточено на оценивавшейся с идеологических позиций “Опере нищего”, в содержании которой акцентировались аспекты, связанные с несправедливостью капиталистического мира. Басни Дж. Гея в этот период не только не переводились, но и практически не упоминались в работах исследователей, что несколько диссонирует с очевидным общим интересом отечественного литературоведения к эволюции басенного жанра в русской и зарубежной литературе. Очевидно, произведения Дж. Гея воспринимались как проходное явление, без которого легко формировалось представление об истории басни. В книге “Путешествие в некоторые отдаленные страны мысли и чувства Джонатана Свифта, сначала исследователя, а потом воина в нескольких сражениях”, написанной в 1939 г., М.Ю. Левидов представил Дж. Гея “хорошо сложенным, элегантно одетым, с очаровательно саркастической улыбкой, беззаботно честолюбивым, наивно тщеславным, гениальным насмешником, умевшим своим

элегантным юмором обнажать самые позорные язвы своего общества” [32, с. 99], “человеком легкой жизни, баловнем судьбы” [32, с. 261], “человеком чистой, детской души, всеобщим любимцем” [32, с. 262], “фейерверком нигилистического остроумия” [32, с. 110], не претендовавшим в силу своего душевного склада на лавры “борца-моралиста” [32, с. 99]. При этом Дж. Гей оказывается и “прихлебателем в знатных домах, льстецом, наемным любезником” [32, с. 262], который создает заказные произведения, в частности “по специальному заказу <...> пишет веселые и нравоучительные басни для детей наследника” [32, с. 261].

В восприятии А.А. Аникста Дж. Гей был прежде всего драматургом, однако, в силу значимости его драматургического наследия, не оставлялись без внимания и произведения, относящиеся к другим жанрам; в частности, в очерке “Английская драма XVIII века” (1945) А.А. Аникст характеризовал басни Дж. Гея как “забавные и остроумные” [33, с. 476], а его самого — как “одну из наиболее колоритных фигур в английской литературе” [33, с. 474], оказавшую влияние на творчество Г. Филдинга, впоследствии усовершенствовавшего предложенные Дж. Геом приемы социально-политической сатиры (см.: [33, с. 480–481]). Схожие мысли были изложены А.А. Аникстом во втором томе “Истории западноевропейского театра”, опубликованном в 1957 г., где Дж. Гей был назван “наиболее смелым обличителем пороков утвердившегося в Англии буржуазного строя” [34, с. 48], басни не упоминались, а основное внимание уделялось “Опере нищего” и ее продолжению — “Полли”.

А.Н. Николюкин в монографии “Массовая поэзия в Англии конца XVIII — начала XIX веков” (1961) отметил влияние “демократических традиций” и “образно-аллегорической системы” басен Дж. Гея на неизвестного автора басни “Лягушкины заботы” (начало 1790-х годов), посвященной “разоблачению антинародной войны” [35, с. 47], затеянной быками-королями и резко ухудшившей жизнь простых людей, аллегорически представленных в виде лягушек. Вслед за Дж. Геом неизвестный автор позволял себе “смелые и острые нападки на коррупцию, царящую в верхушке буржуазно-аристократического общества” [35, с. 47]. Выделяя “Оперу нищего” из общего ряда сочинений Дж. Гея, П. Декс в книге “Семь веков романа” (1962) подчеркивал, что “другие его [Дж. Гея] поэтические произведения легки, изящны, но не больше” [36, с. 196].

Наиболее значительные исследования творчества Дж. Гея в 1960–1970-е годы были осуществлены

И.В. Ступниковым, защитившим в 1964 г. в Ленинградском государственном университете кандидатскую диссертацию «“Опера нищих” Джона Гэя» [37] и опубликовавшим статьи в журналах “Филологические науки”, “Советская музыка”, “Вестник Ленинградского университета. Серия истории, языка и литературы” и др. Диссертация И.В. Ступникова включала в себя пять глав (“Литературная деятельность Джона Гэя”, «Политическая и социальная сатира в “Опере нищих”», «Джон Гэй и итальянская опера. Литературная пародия в “Опере нищих”», «Уличная песня в “Опере нищих”», “Дальнейшая судьба балладной оперы Джона Гэя”), в первой из которых давалась общая информация о творческом пути английского автора, в т.ч. упоминались и его достижения в басенном жанре. В статье “Джон Гей и клуб Мартина Писаки” (1966) исследователь характеризовал сатиру Дж. Свифта и Дж. Гэя как “сатиру писателей, сумевших увидеть грязную изнанку нарождающегося общества” [38, с. 149], осмысливал значение клуба Мартина Писаки для становления творческой индивидуальности Дж. Гэя, который “впитал литературный метод сатириков — острую сатиру, юмор, гиперболу, достигающую порой гулливеровских размеров, бурлеск, граничащий иногда с откровенной фривольностью, но бьющий в цель благодаря этому с еще большей силой” [38, с. 154]. В статье “О Джоне Гее, Полли Пичем и джентльменах с большой дороги” (1977) И.В. Ступников затронул обстоятельства написания басен, имевших огромный успех, многократно переиздававшихся, ставших в Англии “неотъемлемой частью хрестоматийной литературы” [39, с. 13], цитировавшихся современниками и потомками. Дж. Гей своими баснями давал советы младшему сыну короля Георга II принцу Уильяму Августу “быть образованным, благородным, умным и мудрым; заботиться о своих подданных; не слушать придворных льстецов и лжецов; всегда выступать против насилия и войн, несущих горе людям; разумно использовать казну и помнить, что зло заключено не в самом золоте, а в людях, которые используют его силу в дурных целях” [39, с. 13]; наконец, в баснях Дж. Гэя содержался призыв к правителям не подпускать к себе и не облекать властью людей порочных, заботящихся исключительно о собственной выгоде в ущерб всему обществу. В статье “Как в зеркале отразили свой век...” (1989), не упоминая о баснях Дж. Гэя, И.В. Ступников так объясняет причины успеха конкретных произведений среди английских читателей XVII в.: “Обличение порока было одной из важнейших задач авторов классического периода

английского Просвещения. Но они стремились прочесть и нравоучение: ничто не скроет порок — ни блеск, ни власть, ни богатство. Для любого нравоучения, однако, требовалось противопоставить пороку некий положительный идеал...” [40, с. 34]. Как видим, басни воспринимались в работах И.В. Ступникова гармоничной, но весьма скромной по своей значимости частью творческого наследия английского писателя.

На фоне многолетнего отсутствия новых переводов басен Дж. Гэя (в советский период к осмыслению произведений писателя, относящихся к другим жанрам, обращались, в частности, С.Я. Маршак, П.В. Мелкова, В.Е. Васильев, Г.Е. Бен, А.В. Парин, Г.М. Кружков) значимым событием в истории их русской рецепции стала кандидатская диссертация А.И. Жиленкова “Жанровое своеобразие басенного творчества Джона Гэя” (1993), вобравшая в себя материалы, посвященные генезису и источникам английской литературной басни [41, с. 14–43], традициям художественного мышления в басенном творчестве Дж. Гэя (эмблематичности образа, жанровой структуре и традиции карнавала, особенностям морали, выводимой из духовных, философских принципов) [41, с. 44–129], преодолению Дж. Геем басенного традиционализма (эволюции образности, памфлетному содержанию басенной формы) [41, с. 130–182]. Исследователь отмечал в баснях Дж. Гэя сочетание тенденций “нравоучительства” и “нравообличительства”, переход от масочности персонажей к созданию образов действующих лиц, наделенных индивидуальными чертами, “политизацию” нравоучительного содержания текстов, пародийное переосмысление традиционных значений образов, привнесение памфлетности. Басни Дж. Гэя характеризовались А.И. Жиленковым как «“переходная” форма от античного варианта жанра к басне Нового времени» [41, с. 186], именно в данном виде достигшая художественной высоты. Обращаясь к русским переводам басен Дж. Гэя, осуществленным в екатерининскую эпоху, исследователь отметил их влияние на разработку темы, композиционное решение и образ персонажа басни Д.И. Фонвизина “Лисица-казнодей”, в частности общность “проповеднической личности главного героя, способов комического (пародии на ритуал траурной церемонии, использования контрастов для усиления комического эффекта), речевых характеристик персонажей, а также нравоучительного пафоса произведений” [41, с. 181].

Новые публикации о басенном творчестве Дж. Гэя появились в России в начале XXI в. Так,

Н.В. Крицкая при подготовке диссертационного исследования “Басни И.А. Крылова в англоязычных переводах: восприятие и интерпретация” (2009) обратила внимание на “баснеманию”, которая охватила в Англии и многих профессиональных литераторов, среди которых назван Дж. Гей, признававший необходимым компонентом жанра политическую и сатирическую направленность (см.: [42, с. 6]). Называя Дж. Гея “английским Лафонтеном”, Н.В. Крицкая отмечала характерное для его басен “стремление к национальному началу”, а также то обстоятельство, что писатель был “изобретателем” сюжетов всех своих басен, ссылавшихся на английские реалии и становившихся “источником информации о частной жизни, нравах, укладе августинской Англии”; “нередки упоминания актуальных исторических событий, народных примет, суеверий” [42, с. 7]. В статье “Феномен английской басни в жанровом и функциональном аспектах” (2010) Н.В. Крицкая отмечала, что басня в английской критике долгое время оставалась сравнительно малоизученным жанром в силу того, что она не рассматривалась в качестве серьезной творческой работы; в этой связи исследовательница приводила в пример Дж. Гея, чьи басни лишь вскользь упоминались в девятом томе “Истории английской и американской литературы”, где внимание сосредоточивалось на произведениях, созданных английским автором в других жанрах, — пасторальных, пародиях и “Опере нищего” (см.: [43, с. 70]). Английская басня впитывает общественно-политические, идеологические споры эпохи, отражает борьбу за власть, рассуждает о коррупции, социальном паразитизме и глупости власти, делая это со всей осмотрительностью, осторожностью и беспричастностью; остросоциальность особенно существенна для второй части басен Дж. Гея, где она существенно оттесняет назидательность, свойственную его ранним басням.

Представления Н.В. Крицкой о басенном творчестве Дж. Гея наиболее полно выражены в ее статье “Джон Гей, английский Лафонтен” (2013), в которой отмечается особый успех произведений Дж. Гея в сравнении с баснями Р. Л’Эстранжа, Б. Мандевиля, Дж. Локка, М. Прайора, во многом обусловленный способностью “соединить противоположные полюса и заполнить пропасть между Граб-Стрит и рафинированной августинской литературой” [44, с. 116]. Если в классическостической парадигме развития басни за героем закреплялась определенная функция, определявшая все его дальнейшие поступки, то Дж. Гей, по наблюдению Н.В. Крицкой, отходит от обобщенных типажей, представляя “характерных

персонажей, очеловеченных и социально типизированных”, актуализирует повествование злободневным материалом, отодвигая аллегоричность на второй план описания: “Для социально- и политически-ориентированных басен Гея характерны персонажи, не просто олицетворяющие те или иные человеческие качества, но подразумевающие конкретных исторических лиц: в Орле (Eagle) современники узнавали королеву, в Петухе (Cock) — главнокомандующего, Совы (Owls) были сторонниками Ганноверов, лебедь (Swan) — тори и т.д. Вместе с тем, узнаваемые портреты деятелей современности типизируют в этих баснях то или иное социальное явление, представляя читателям генерализованные образы современных политиков, литераторов, военачальников” [44, с. 117]. Н.В. Крицкая определяет басни Дж. Гея как некий жанровый “микс”, вобравший в себя, вкупе с басенной аллегоричностью, “черты пародии, политической сатиры, изящной иронии”, отмечает извлечение баснописцем морали из законов природы, демонстрирующее «превосходство естественнонаучных знаний над “культурными” принципами» [44, с. 117], а также разворачивание событий исключительно в рамках национального топоса, с опорой как на басенную традицию, так и на народные сказки, предания, приметы, суеверия. В конечном итоге “оригинальные и глубоко национальные басни Гея, отражающие актуальное понимание натурфилософии, социального и культурного устройства Англии периода становления буржуазного государства, являются своеобразным и точным, хотя и ироничным зеркалом своего времени” [44, с. 118].

Несколько статей, посвященных басням Дж. Гея, опубликованы в последние годы белгородскими исследователями. Из них наибольший интерес представляет обзорный материал К.С. Воробьевой и А.А. Мережко “Особенности английской литературной басни XVIII века на примере творчества Джона Гея” (2016), в котором отмечены стремление английского автора к отказу от характерной для жанра условности, выработка им средств для более глубокого и индивидуализированного изображения жизни и, вместе с тем, прочно связывающие его с традицией эмблематизма образов, сочетание в композиции произведений дидактизма и развлекательности. Как указывают К.С. Воробьева и А.А. Мережко, «истинным мудрецом в баснях Гея оказывался не “книжный” философ, а тот, кто близок Природе и живет по законам; как правило, это были пастух, земледелец, “добродетельные” мифологические персонажи» [45, с. 35]. Добродетельный идеал басен Дж. Гея исследователи

связали с геральдическими образами, являвшимися знаковым воплощением сословного мышления; по их мнению, «аналогично геральдике, законы сословного мышления проявились и в “регламентации” басенных образов в соответствии с общественным положением персонажей и их нравственной сущностью: лев и бык — монарх, лис и хамелеон — придворный, английский дог /мастиф/ и спаниель — помещик; муравей, медведь, лошадь, обезьяна — политик; дворовые собаки, осел, ячмень — простолюдины» [45, с. 35]. Видевший угрозу государства не в монархе и его наследниках, а в придворных лицемерах и злодеях, Дж. Гей ни разу не отступает от положительного образа Льва, либо слишком строгого (“Лев, Тигр и Путник”), либо требовательного (“Лев и Львенок”), но всегда являвшегося образцом для подражания, символом добродетели; плохим может быть окружение льва, к примеру, Тигр, чей положительный образ не встречается в английской геральдике, соответственно символизирует зло, угрозу Льву-монарху (см.: [46, с. 261–262]). Связь между гербовой и басенной образностью была отмечена также в басне “Воробей и две Совы”, в которой последние вспоминали древних греков, изображавших мудрых птиц на гербе города Афин. Изучение геральдической эмблематики дало интересные наблюдения, представленные в статье К.С. Воробьевой и О.В. Сеньюковой «Концепт “добродетель” и способы его репрезентации в баснях Джона Гей» (2013) [46, с. 258–263]; изучению концептосферы Дж. Гей посвящена также статья К.С. Воробьевой и А.А. Мережко «Репрезентация концептов “good” и “evil” на примере творчества английского баснописца Джона Гей» (2014) [47, с. 67–71].

В начале XXI в. в сети Интернет появились новые переводы басен Дж. Гей, осуществленные в 2009 г. В.И. Панченко (“Зайчиха и друзья” [48]) и в 2011–2016 гг. М.Т. Польшковским (“Старуха и ее коты” [49], “Крысолов и коты” [50], “Бык и мастиф” [51], “Мотылек и улитка” [52], “Спаниель и хамелеон” [53], “Вепрь и баран” [54]). В переводе В.И. Панченко ощутимо стремление к сохранению оригинального замысла, однако многие места нуждаются в существенной редакции: “С уютной прятки... / <...> / Какой-то транспорт ей причудился на миг, / Как вдруг, Конек на тракте перед ней возник... / <...> / Конек ответил, не стыдись: “Мой бедный Пупс” / <...> / У скирды ячменя, угодно ль, поджидает снова. / И, вот, когда у дам опять подходит тесто, / Все вещи, знаешь ли, становятся на место. / <...> / Козел сказал, что с милой так нельзя, / И голова ее слаба, и тяжелы глаза: / <...> / И вот, потухший взор она в Телка

вперила” [48]. Отметим, что в оригинале нет уютной прятки, используется стандартное выражение, которое можно перевести как *вышла погулять*; лексема *transport* употреблена в значении *сильной эмоции, порыва*, передававшей внутреннее состояние героини; конь появляется не на тракте, а на виду; нераспознанная переводчиком лексема *russ* должна передаваться значением *косой, заяц*; ответ быка, додуманный переводчиком, во многом лишен смыслового наполнения; как и у И. Ильинского, коза превращена в козла, при этом не возникает диссонанса с прочим текстом; устаревший глагол *вперила* требует синонимической замены, например: “В теленка взор потухший устремила”.

Особенностью переводов М.Т. Польшковского является несоблюдение принципа эквивалентности; общее количество стихов оригиналов сохранено лишь в двух (“Старуха и ее коты”, “Крысолов и коты”) из шести переведенных басен, в остальных случаях превышение объема составляло в среднем около 48%, что не могло не отразиться на конечном результате, причем более других пострадали басни “Вепрь и баран” (28 строк в оригинале, 54 строки в переводе) и “Спаниель и хамелеон”, дополненная 56 новыми стихами. Перевод “Вепрь и баран”, созданный М.Т. Польшковским, уступал интерпретации А.П. Барыковой, характеризовавшейся неверной расстановкой акцентов в эмоциональном описании действия, поскольку у М.Т. Польшковского эмоциональность отсутствовала совсем, а нарочито нейтральное начало стихотворения усугублялось многословной и бессмысленной речью Вепря: “Все трусы в мире схожи с вами. / Вот ваш палач — глядите сами, — / Он держит, кровью обагрён, / Кровавый нож, сдирает он / С овцы, лишённой жизни, шкуру. / Вершит он эту процедуру, / Не отрываясь на мгновенье. / А между тем, вызывает бляенье / Принявших смладу гибель агнцев, / И матерей, отцов и старцев, / Зазря моливших о пощаде, — / Вызывает к мщению, к расплате. / Глупцы, не знающие мести! / В вас нет ни доблести, ни чести!” [54]. Небольшая мораль английской басни, состоящая из четырех стихов, расширена М.Т. Польшковским до пятнадцати стихов: “Итог резни — к иным недугам — / Ещё два важных наказания / Из тех, что рушат мирозданье. / Не знали б войн и авантюры, / Когда бы из овечьих шкур / Не смастерили барабанов, / Чтоб сонных пробудить болванов; / И кто бы знал про суд да дело, / Когда б не сделали уметь / Пергамента из нашей кожи. / Спокойно почивать на ложе / (И лаврах!) могут мести и мщенье / С тех пор как два изобретенья — / Пергаменты и барабаны — / Вовсю используют тираны” [54].

В случаях, когда М.Т. Польшковский обращался непосредственно к переводу, а не пытался заниматься сочинительством, привнося бесчисленное количество дополнительных акцентов, неуместных нюансов, результат получался более удачным. В этой связи следует упомянуть перевод басни “Крысолов и коты”, к которому могут быть высказаны лишь незначительные замечания — не совсем оправданное нарушение порядка следования фрагментов описания с целью сохранения рифмы, неточность в переводе лексемы *engineer* (“специалист”), чуждое оригиналу выражение “силы сволочные” [50], упоминание некоего надуманного “мастера-грызуноведа” [50] при трактовке простой фразы — *the man replied* (“человек ответил”). Относительно немногочисленные неточности при создании переводной басни “Старуха и ее коты”. В целом же переводческую манеру М.Т. Польшковского вряд ли можно считать профессиональной; его переводы характеризуются многословием, излишней вольностью, отсутствием эмоциональной составляющей в описаниях.

Е.Д. Фельдман — особая фигура в непростой переводческой судьбе Дж. Гая в России. Оставив за скобками задачу осмысления творчества гениального английского драматурга, переводчик поставил перед собой сложную задачу максимально полно познакомить отечественного читателя с наследием Гая-баснописца, переведенным на многие языки мира (в частности на урду, бенгали), но, несмотря на значительную историю рецепции, охватывающую без малого два с половиной столетия, почти неизвестным в России: “Работая, испытываю наслаждение — не только от Гая, но и от возможности делать поэзию из простой, обыденной речи” [25, с. 384]. Е.Д. Фельдман стремился передать искрометную сатиру, легкость слога, нравственное наполнение произведений, позволяя себе некоторую вольность, не разрушавшую эмоциональную атмосферу подлинника, но предполагавшую отход от некоторых особенностей формы (прежде всего от принципа эквилинеарности). Публикация первого полного стихотворного перевода басен осуществлялась по мере их создания в 2017–2019 гг. [25, с. 384–462]; [55, с. 286–324]; [56, с. 413–438]; также Е.Д. Фельдманом впервые переведены поэма “Тривия, или Искусство ходить по улицам Лондона” [57, с. 332–381] и отдельные стихотворения Дж. Гая [58, с. 382–386]; [59, с. 636–657]. Обращаясь к басням, Е.Д. Фельдман учитывал их восприятие в Англии, где они долгое время оставались одной из лучших книг, предназначенных для детской аудитории, служивших хрестоматийным материалом в школах, а также то обстоятельство, что адресату книги сыну Георга II Уильяму Августу было на момент

ее публикации всего шесть лет. В итоге созданные им переводы басен доступны читателям всех возрастов, но, что особенно важно, ориентированы прежде всего на круг детского чтения.

Как видим, восприятие басенного творчества Дж. Гая русскими переводчиками, литературными критиками, литературоведами представляло собой сложный процесс, включавший в себя как “всплески” внимания к произведениям английского баснописца в последней четверти XVIII в., в конце XIX в., так и длительные периоды затухания интереса, когда на протяжении десятилетий имя Гая-баснописца только изредка упоминалось на страницах изданий по истории английской литературы. Если первый из “всплесков” был во многом обусловлен интересом российского общества к книжным новинкам, выходившим на французском языке, и характеризовался преимущественно появлением прозаических переводов с языка-посредника, на фоне которых выигрышно смотрелись поэтические переводы с английского И. Ильинского, то второй был связан с общим усилением внимания к произведениям английских авторов, близких к традиционной культуре и доступных для восприятия массового, простонародного читателя. В советское время пристальное изучение художественного своеобразия драматургии Дж. Гая (прежде всего, “Оперы нищего”) сочеталось с полным забвением его басен. Появившиеся в постсоветские десятилетия исследования А.И. Жиленкова и переводы Е.Д. Фельдмана обозначили новый этап русской рецепции, характеризующийся выявлением и осмыслением художественного своеобразия басен Дж. Гая, стремлением к максимально полному, целостному восприятию наследия Гая-баснописца с учетом античных, английских литературных традиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Le berger et le philosophe // Choix littéraire. 1758. Vol. 16. P. 103–106.
2. Le berger et le philosophe // Recueil pour l'esprit et pour le Coeur. 1764. Vol. 1. Pt. 2. P. 205–208.
3. О дружбе; Пастух и философ; Саладин и Фатъма // Утренний свет. 1778. Ч. II. Март. С. 267–282.
4. De l'amitié // Nouveau recueil pour l'esprit et le Coeur. 1766. Vol. 2. P. 353–362.
5. Salaeddin et Fatmé // Nouveau recueil pour l'esprit et le Coeur. 1766. Vol. 1. P. 10–16.
6. Рак В.Д. Переводчик В.А. Приклонский (Материалы к истории тверского “культурного гнезда” в 1770–1780-е годы) // Рак В.Д. Статьи

- о литературе XVIII века. СПб.: Пушкинский Дом, 2008. С. 327–358.
7. Басни господина Ге: С англинского на французской, а с сего на российской язык переведенные: [В 2 ч.]. М.: Унив. тип. у Н. Новикова, 1783. Ч. 1. 138 с.; Ч. 2. 108 с.
 8. *Кряжев В.С.* Избранные сочинения из лучших аглинских писателей прозою и стихами: Для упражнения в чтении и переводе. М.: Унив. тип., у В. Огорокова, 1792. 160 с.
 9. Басня. Пастух и философ / С аглинск<ого> Н. Плтк <Н.Р. Политковский> // Приятное и полезное препровождение времени. 1796. Ч. 11. С. 333–336.
 10. Приятное прощание Вильяма с черноглазою Сусанной // Иппокрена, или Утехи любословия. 1800. Ч. 7. С. 85–87.
 11. *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника / Изд. подг. Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, Б.М. Успенский. Л.: Наука, 1984. 718 с.
 12. Спор о лошадях. Скриблерусов рапорт о деле, совершавшемся в Надворном суде / Перевел Ва-й Бе-х // Северный Меркурий. 1809. Ч. 1. Март. С. 250–256.
 13. *Елистратова А.А.* Английская литература // История всемирной литературы: В 9 т. / Институт мировой литературы им. А.М. Горького. М.: Наука, 1988. Т. 5. С. 32–86.
 14. *Зыкова Е.П.* Литературный быт и литературные нравы Англии в XVIII веке: искусство жизни в зеркале писем, дневников, мемуаров. М.: ИМЛИ РАН, 2013. 231 с.
 15. *Gay J.* Fables. Paris: A.A. Renouard, 1800. 212 с.
 16. Библиотека В.А. Жуковского: Описание / Сост. В.В. Лобанов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981. 416 с.
 17. *Реморова Н.Б.* Басня в творчестве Жуковского // Жуковский и русская культура: Сб. научн. тр. / Отв. редактор Р.В. Иезуитова. Л.: Наука, 1987. С. 95–112.
 18. *Реморова Н.Б.* Басня в книжном собрании и архиве Жуковского (некоторые проблемы ее восприятия, перевода и создания поэтом) // Библиотека В.А. Жуковского в Томске: [В 3 ч.]. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1988. Ч. III. С. 369–372.
 19. *Gay J.* The poetical works. With the life of the author. London: C. Cooke, [1805]. Vol. 2. 220, [8] с.
 20. Чертоги смерти. Баснь. Из соч. г-на Гея / С англинского И. Ильинский // Журнал для пользы и удовольствия. 1805. Ч. I. № 3. С. 228–230.
 21. Отец и Юпитер. Баснь / С англинского из Гея Иван Ильинский // Журнал для пользы и удовольствия. 1805. Ч. II. № 4. С. 64–66.
 22. Заяц и его друзья. Баснь / Из Гея Иван Ильинский // Журнал для пользы и удовольствия. 1805. Ч. II. № 5. С. 115–117.
 23. *Гей Дж.* Заяц и его друзья / Пер. И. Ильинского // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. VIII: Сб. научн. тр. М.: Флинта; Наука, 2017. С. 462–463.
 24. Человек и Муха. Басня / С англинского // Журнал для пользы и удовольствия. 1805. Ч. IV. № 11. С. 147–148.
 25. *Гей Дж.* Басни. Часть I / Вступительная заметка, перевод и примечания Е.Д. Фельдмана // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. VIII: Сб. научн. тр. М.: Флинта; Наука, 2017. С. 384–462.
 26. *Геттнер Г.* История всеобщей литературы XVIII века. СПб.: Тип. Н. Тиблена, 1863. Т. 1. Английская литература (1660–1770). [4], VIII, 468 с.
 27. *Зотов В.Р.* История всемирной литературы в общих очерках, биографиях, характеристиках и образцах: [В 4 т.]. СПб.; М.: Издание М.О. Вольфа, 1882. Т. IV. Литература Германии, Нидерландов, Фландрии, Англии, Скандинавии, Финляндии, Венгрии. [4], II, VI, 807 с.
 28. *Шерр И.* Иллюстрированная всеобщая история литературы: В 2 т. / Перевод под ред. П.И. Вейнберга. М.: Типолитография Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1898. Т. 2. 612, LXI с.
 29. *Тэн И.* Развитие политической и гражданской свободы в Англии в связи с развитием литературы: (Histoire de la litterature anglaise): [В 2 ч.] / Пер. под ред. А. Рябинина и М. Головина. СПб.: Тип. Т-ва “Общественная польза”, 1871. Ч. II. XII, 552 с.
 30. *Веселовский Алексей Н.* Английская литература XVIII века // Всеобщая история литературы / Под ред. В.Ф. Корша, А.И. Кирпичникова. СПб.: Изд. Карла Риккера, 1888. Т. 3. Ч. 1. С. 804–883.
 31. *Гей Дж.* Мудрец и фазаны; Пифагор и крестьянин; Из басни “Овчарка и волк”; Овца и кабан / Пер. А.П. Барыковой // Песни Англии и Америки: Песни, сказания, басни и притчи: Собрание стихотворений английских и американских стихотворцев в переводе русских писателей. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1895. 137 с.
 32. *Левидов М.Ю.* Путешествие в некоторые отдаленные страны мысли и чувства Джонатана Свифта, сначала исследователя, а потом воина в нескольких сражениях. М.: Книга, 1986. 288 с.
 33. *Аникст А.А.* Английская драма XVIII века // История английской литературы. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1945. Т. 1. Вып. 2. С. 466–500.
 34. *Аникст А.А.* Английский театр // История западноевропейского театра / Под общей ред. С.С. Мокульского. М.: Искусство, 1957. Т. 2. С. 31–112.

35. *Николюкин А.Н.* Массовая поэзия в Англии конца XVIII — начала XIX веков. М.: Издательство АН СССР, 1961. 276 с.
36. *Декс П.* Семь веков романа / Под ред. и с предисловием Ю.Б. Виппера; пер. с французского Я.З. Лесюка, Ю.П. Уварова. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. 483 с.
37. *Ступников И.В.* “Опера нищих” Джона Гэя: Диссертация ... кандидата филологических наук / Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова. Л., 1964. 340 с.
38. *Ступников И.В.* Джон Гей и клуб Мартина Писаки // Филологические науки. 1966. № 4. С. 146–154.
39. *Ступников И.В.* О Джоне Гее, Полли Пичем и джентльменах с большой дороги // Гей Дж. Опера нищего. Полли / Пер. с англ. П. Мелковой. М.: Искусство, 1977. С. 3–33.
40. *Ступников И.В.* Как в зеркале отразили свой век... // Английская комедия XVII–XVIII веков: Антология / Составление, предисловие и комментарии И.В. Ступникова. М.: Высшая школа, 1989. С. 6–42.
41. *Жиленков А.И.* Жанровое своеобразие басенного творчества Джона Гэя: Диссертация ... кандидата филологических наук / Московский педагогический государственный университет им. В.И. Ленина. М., 1993. 186, XXXVI с.
42. *Крицкая Н.В.* Басни И. А. Крылова в англоязычных переводах: восприятие и интерпретация: Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Томский государственный университет. Томск, 2009. 28 с.
43. *Крицкая Н.В.* Феномен английской басни в жанровом и функциональном аспектах // Вестника Томского государственного педагогического университета. 2010. № 8 (98). С. 70–72.
44. *Крицкая Н.В.* Джон Гей, английский Лафонтен // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 11 (29). С. 116–118.
45. *Воробьева К.С., Мережко А.А.* Особенности английской литературной басни XVIII века на примере творчества Джона Гэя // Актуальные вопросы современных гуманитарных наук: Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Екатеринбург: ООО “Ареал”, 2016. Вып. III. С. 34–36.
46. *Воробьева К.С., Сениокова О.В.* Концепт “доброделитель” и способы его репрезентации в баснях Джона Гэя // Достижения вузовской науки. 2013. № 7. С. 258–263.
47. *Воробьева К.С., Мережко А.А.* Репрезентация концептов “good” и “evil” на примере творчества английского баснописца Джона Гэя // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2014. № 6. С. 67–71.
48. *Гей Дж.* Зайчиха и друзья / Пер. В.И. Панченко. URL: http://world.lib.ru/w/wasilj_i_p/txt-34.shtml
49. *Гей Дж.* Старуха и ее коты / Пер. М.Т. Пыльковского. URL: <https://stihi.ru/2011/07/04/4541>
50. *Гей Дж.* Крысолов и коты / Пер. М.Т. Пыльковского. URL: <https://stihi.ru/2011/07/06/3668>
51. *Гей Дж.* Бык и Мастиф / Пер. М.Т. Пыльковского. URL: <https://stihi.ru/2016/02/04/5562>
52. *Гей Дж.* Мотылек и Улитка / Пер. М.Т. Пыльковского. URL: <https://stihi.ru/2016/02/10/5965>
53. *Гей Дж.* Спаниель и Хамелеон / Пер. М.Т. Пыльковского. URL: <https://stihi.ru/2016/02/14/5215>
54. *Гей Дж.* Вепрь и баран / Пер. М.Т. Пыльковского. URL: <https://stihi.ru/2016/02/17/9525>
55. *Гей Дж.* Басни. Часть II (I–X) / Перевод и примечания Е.Д. Фельдмана // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. X: Сб. научн. тр. М.: Флинта, 2018. С. 286–324.
56. *Гей Дж.* Басни. Часть II (XI–XVII) / Перевод и примечания Е.Д. Фельдмана // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. XI: Сб. научн. тр. М.: Флинта, 2019. С. 413–438.
57. *Гей Дж.* Тривия, или Искусство ходить по улицам Лондона / Перевод и примечания Е.Д. Фельдмана // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. XII: Сб. научн. тр. М.: Флинта, 2020. С. 332–381.
58. Некоторые стихотворения Джона Гэя в переводе Евгения Фельдмана // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. XII: Сб. научн. тр. М.: Флинта, 2020. С. 382–386.
59. *Гей Дж.* Избранные стихотворения / Перевод Е.Д. Фельдмана // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. XV: Сб. научн. тр. М.: Флинта, 2021. С. 636–657.

REFERENCES

1. Le berger et le philosophe. Choix littéraire. 1758, Vol. 16, pp. 103–106. (In French)
2. Le berger et le philosophe. Recueil pour l'esprit et pour le Coeur. 1764, Vol. 1, pt. 2, pp. 205–208. (In French)
3. *O družbe; Pastuh i filosof; Saladin i Fat'ma* [About Friendship; The Shepherd and the Philosopher; Saladin and Fatma]. *Utrennij svet* [Morning Light]. 1778, Part II, March, pp. 267–282. (In Russ.)
4. De l'amitié. Nouveau recueil pour l'esprit et le Coeur. 1766, Vol. 2, pp. 353–362. (In French)
5. Salaeddin et Fatmé. Nouveau recueil pour l'esprit et le Coeur. 1766, Vol. 1, pp. 10–16. (In French)

6. Rak, V.D. *Perevodchik V.A. Priklonskij (Materialy k istorii tverskogo "kulturnogo gnezda" v 1770–1780-e gody)* [Translator V.A. Priklonsky (Materials for the History of the Tver "Cultural Nest" in the 1770s–1780s)]. *Stat'ji o literature XVIII veka*. [Articles on the Literature of the 18th Century]. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2008, pp. 327–358. (In Russ.)
7. *Basni gospodina Ge: S anglinskogo na francuzskoj, a s sego na rossijskoj yazyk perevedennye* [Fables of Mr. Ge: From English to French, and from this to Russian Translated]. In 2 Parts. Moscow, Univ. printing house of N. Novikov, 1783. Part 1. 138 p.; Part 2. 108 p. (In Russ.)
8. Kryazhev, V.S. *Izbrannye sochineniya iz luchshih aglinskih pisatelej prozoyu i stihami: Dlya uprazhneniya v chtenii i perevode* [Selected Works from the best English Writers in Prose and Verse: For Exercises in Reading and Translation]. Moscow, Univ. printing house of V. Okorokov, 1792. 160 p. (In Russ.)
9. *Basnya. Pastuh i filosof. S aglinskogo <N.R. Politkovskij>* [A Fable. The Shepherd and the Philosopher. Translated from English by N. Pltk <N.R. Politkovsky>]. *Priyatnoe i poleznoe preprovozhdanie vremeni* [Pleasant and Useful Pastime]. 1796, Vol. 11, pp. 333–336. (In Russ.)
10. *Priyatnoe proshchaniye Vilyama s chernoglazoyu Susannoj* [William's Pleasant Farewell to the Black-Eyed Susanna]. *Ippokrena, ili Utekhi lyubosloviya* [Ippokrena, or the Joys of Love-making]. 1800, P. 7, pp. 85–87. (In Russ.)
11. Karamzin, N.M. *Pisma russkogo puteshestvennika. Izd. podg. Yu.M. Lotman, N.A. Marchenko, B.M. Uspenskij* [Letters of a Russian Traveler. Edit. prep. by Yu.M. Lotman, N.A. Marchenko, B.M. Uspensky]. Leningrad, Nauka Publ., 1984. 718 p. (In Russ.)
12. *Spor o loshadyah. Skriblerusov raport o dele, sovershavshemysya v Nadvornom sude. Perevel Va-j Be-h* [A Dispute about Horses. Scriblerus Report on the Case that was Committed in the Aulic Court. Translated by Va-y Be-x]. *Severnyj Merkurij* [Northern Mercury]. 1809, Part 1, March, pp. 250–256. (In Russ.)
13. Elistratova, A.A. *Anglijskaya literatura* [English Literature]. *Istoriya vseмирnoy literatury. V 9 tomah* [The History of General Literature. In 9 Vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1988. Vol. 5, pp. 32–86. (In Russ.)
14. Zykova, E.P. *Literaturnyj byt i literaturnye nrvy Anglii v XVIII veke: iskusstvo zhizni v zerkale pisem, dnevnikov, memuarov* [Literary Life and Literary Mores in England in the 18th Century: the Art of Life in the Mirror of Letters, Diaries, Memoirs]. Moscow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 2013. 231 p. (In Russ.)
15. Gay, J. *Fables*. Paris, A.A. Renouard Publ., 1800. 212 p. (In French)
16. *Biblioteka V.A. Zhukovskogo: Opisanie. Sost. V.V. Lobanov* [The Library of V.A. Zhukovsky: Description. Comp. by V.V. Lobanov]. Tomsk, Publishing house of the Tomsk University, 1981. 416 p. (In Russ.)
17. Remorova, N.B. *Basnya v tvorchestve Zhukovskogo* [Fable in the Works of Zhukovsky]. *Zhukovskij i russkaya kul'tura: Sb. nauchn. trudov. Otv. redaktor R.V. Iezuitova* [Zhukovsky and Russian Culture: Collection of Scientific Works. Edit. by R.V. Jesuitova]. Leningrad, Nauka Publ., 1987, pp. 95–112. (In Russ.)
18. Remorova, N.B. *Basnya v knizhnom sobranii i arhive Zhukovskogo (nekotorye problemy ee vospriyatiya, perevoda i sozdaniya poetom)* [Fable in the Book Collection and Archive of Zhukovsky (Some Problems of its Perception, Translation and Creation by the Poet)]. *Biblioteka V.A. Zhukovskogo v Tomske* [Library of V.A. Zhukovsky in Tomsk]. In 3 Parts. Tomsk, Publishing House of the Tomsk University, 1988. Part III, pp. 369–372. (In Russ.)
19. Gay, J. *The poetical works. With the life of the author*. London, C. Cooke Publ., [1805]. Vol. 2. 220, [8] p. (In English)
20. *Chertogi smerti. Basni. Iz soch. g-na Geya. S anglinskogo I. Iljinskij* [The Halls of Death. Fables. From the Op. of Mr. Gay. Trans. from English by I. Ilyinsky]. *Zhurnal dlya polzy i udovol'stviya* [Journal for Use and Pleasure]. 1805, Part I, No. 3, pp. 228–230. (In Russ.)
21. *Otec i Yupiter. Basni. S anglinskogo iz Geya Ivan Iljinskij* [Father and Jupiter. Fables. Trans. from English from Gay Ivan Ilyinsky]. *Zhurnal dlya polzy i udovol'stviya* [Journal for Use and Pleasure]. 1805, Part II, No. 4, pp. 64–66. (In Russ.)
22. *Zayac i ego druzya. Basni. Iz Geya Ivan Iljinskij* [The Hare and his Friends. Fables. Trans. from Gay by Ivan Ilyinsky]. *Zhurnal dlya polzy i udovol'stviya* [Journal for Use and Pleasure]. 1805, Part II, No. 5, pp. 115–117. (In Russ.)
23. Gay, J. *Zayac i ego druzya. Per. I. Iljinskogo* [The Hare and his Friends. Trans. by I. Ilyinsky]. *Hudozhestvennyj perevod i sravnitel'noe literaturovedenie. VIII: Sbornik nauchnykh trudov* [Literary Translation and Comparative Literary Studies. VIII: Collection of Scientific Works]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2017, pp. 462–463. (In Russ.)
24. *Chelovek i Muha. Basnya. S anglinskogo* [A Man and a Fly. Fable. From English]. *Zhurnal dlya polzy i udovol'stviya* [Journal for Use and Pleasure]. 1805, Part IV, No. 11, pp. 147–148. (In Russ.)
25. Gay, J. *Basni. Chast I. Vstupitel'naya zametka, perevod i primechaniya E.D. Feldmana* [Fables. Part I. Introductory Note, Translation and Notes by E.D. Feldman]. *Hudozhestvennyj perevod i sravnitel'noe literaturovedenie. VIII: Sbornik nauchnykh trudov* [Literary Translation and Comparative Literary Studies. VIII: Collection of Scientific Works]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2017, pp. 384–462. (In Russ.)

26. Gettner, G. *Istoriya vseobshchej literatury XVIII veka* [The History of General Literature of the 18th Century]. St. Petersburg, Printing house of N. Tible, 1863. Vol. 1. English literature (1660–1770), VIII, 468 p. (In Russ.)
27. Zotov, V.R. *Istoriya vsemirnoj literatury v obshchih ocherkah, biografiyah, harakteristikah i obrazcah* [The History of World Literature in General Essays, Biographies, Characteristics and Samples:]. In 4 Vols. St. Petersburg; Moscow, Edition of M.O. Wolf, 1882. Vol. IV. Literature of Germany, the Netherlands, Flanders, England, Scandinavia, Finland, Hungary. II, VI, 807 p. (In Russ.)
28. Sherr, I. *Illyustrirovannaya vseobshchaya istoriya literatury. Perevod pod red. P.I. Vajnberga* [The Illustrated Universal History of Literature. Translated under the Editorship of P.I. Weinberg]. In 2 Vols. Moscow, Typolithography of the Partnership I.N. Kushnerev and Co., 1898. Vol. 2. 612, LXI p. (In Russ.)
29. Ten, I. *Razvitiye politicheskoy i grazhdanskoy svobody v Anglii v svyazi s razvitiem literatury: (Histoire de la litterature anglaise). Per. pod red. A. Ryabinina i M. Golovina* [The Development of Political and Civil Freedom in England in Connection with the Development of Literature: (Histoire de la Litterature Anglaise). Trans. ed. by A. Ryabinin and M. Golovin]. In 2 Parts. St. Petersburg, Printing house of the Partnership "Public benefit", 1871. Part II. 552 p. (In Russ.)
30. Veselovskiy, A.N. *Anglijskaya literatura XVIII veka* [English Literature of the 18th Century]. *Vseobshchaya istoriya literatury. Pod red. V.F. Korsha, A.I. Kirpichnikova* [General History of Literature. Edited by V.F. Korsh, A.I. Kirpichnikov]. St. Petersburg, Karl Rikker Publishing House, 1888, Vol. 3, Part I, pp. 804–883. (In Russ.)
31. Gay, J. *Mudrec i fazany; Pifagor i krestyanin; Iz basni "Ovcharka i volk"; Ovca i kaban. Per. A.P. Barykovej* [The Sage and the Pheasants; Pythagoras and the Peasant; from the fable "The Shepherd and the Wolf"; The Sheep and the Boar. Trans. by A.P. Barykova]. *Pesni Anglii i Ameriki: Pesni, skazaniya, basni i prichi: Sobranie stihotvorenij anglijskih i amerikanskikh stihotvorcev v perevode russkikh pisatelej* [Songs of England and America: Songs, Legends, Fables and Parables: A Collection of Poems by English and American Poets Translated by Russian Writers]. Moscow, Printing house of the I.D. Sytin, 1895. 137 p. (In Russ.)
32. Levidov, M.Yu. *Puteshestvie v nekotorye otdalennye strany mysli i chuvstva Dzhonatana Svifta, snachala issledovatelya, a potom voina v neskolkih srazheniyah* [A Journey to Some Remote Countries of the Thoughts and Feelings of Jonathan Swift, first a Researcher, and then a Warrior in Several Battles]. Moscow, Kniga Publ., 1986. 288 p. (In Russ.)
33. Anikst, A.A. *Anglijskaya drama XVIII veka* [English Drama of the 18th Century]. *Istoriya anglijskoj literatury* [History of English Literature]. Moscow, Leningrad, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1945, Vol. 1, Issue 2, pp. 466–500. (In Russ.)
34. Anikst, A.A. *Anglijskij teatr* [English Theater]. *Istoriya zapadnoevropejskogo teatra. Pod obshchej red. S.S. Mokul'skogo* [History of Western European Theater. Under the General Editorship of S.S. Mokulsky]. Moscow, Iskustvo Publ., 1957, Vol. 2, pp. 31–112. (In Russ.)
35. Nikol'yukin, A.N. *Massovaya poeziya v Anglii konca XVIII – nachala XIX vekov* [Mass Poetry in England of the late 18th – early 19th Centuries]. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1961. 276 p. (In Russ.)
36. Deks, P. *Sem vekov romana. Pod red. i s predisloviem Yu.B. Vippera; per. s francuzskogo Ya.Z. Lesyuka, Yu.P. Uvarova* [Seven Centuries of the Novel. Ed. and with a Preface by Yu.B. Wipper; Translated from the French by Ya.Z. Lesyuk, Yu.P. Uvarov]. Moscow, Publishing House of Foreign Literature, 1962. 483 p. (In Russ.)
37. Stupnikov, I.V. "Opera nishchih" Dzhona Geya: *Dissertaciya ... kandidata filologicheskikh nauk* ["The Beggar's Opera" by John Gay: Dissertation ... Candidate of Philological Sciences]. Leningrad, Leningrad State University named after A.A. Zhdanov, 1964. 340 p. (In Russ.)
38. Stupnikov, I.V. *Dzhon Gej i klub Martina Pisaki* [John Gay and the Scriblerus Club]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences]. 1966, No. 4, pp. 146–154. (In Russ.)
39. Stupnikov, I.V. *O Dzhone Gee, Polli Pichem i dzhentlmenah s bolshoj dorogi* [About John Gay, Polly Peacham and Gentlemen from the High Road]. *Gej, Dzh. Opera nishchego. Polli. Per. s angl. P. Melkovej* [Gay, J. The Beggar's Opera. Polly. Translated from the English by P. Melkova]. Moscow, Iskustvo Publ., 1977, pp. 3–33. (In Russ.)
40. Stupnikov, I.V. *Kak v zerkale otrazili svoj vek...* [How did you Reflect your Century in the Mirror...]. *Anglijskaya komediya XVII–XVIII vekov: Antologiya. Sostavlenie, predislovie i kommentarii I.V. Stupnikova* [English Comedy of the 17th–18th Centuries: An Anthology. Compilation, Preface and Comments by I.V. Stupnikov]. Moscow, Higher School Publ., 1989, pp. 6–42. (In Russ.)
41. Zhilenkov, A.I. *Zhanrovoe svoeobrazie basennogo tvorчества Dzhona Geya: Dissertaciya ... kandidata filologicheskikh nauk* [Genre Originality of John Gay's Fable Creativity: Dissertation ... Candidate of Philological Sciences]. Moscow, Moscow Pedagogical State University named after V.I. Lenin, 1993. 186, XXXVI p. (In Russ.)
42. Kritskaya, N.V. *Basni I.A. Krylova v angloyazychnyh perevodah: vospriyatie i interpretaciya: Avtoreferat dissertacii ... kandidata filologicheskikh nauk* [I.A. Krylov's Fables in English Translations: Perception and Interpretation: Abstract of the Dissertation ...

- Candidate of Philological Sciences]. Tomsk, Tomsk State University, 2009. 28 p. (In Russ.)
43. Kritskaya, N.V. *Fenomen anglijskoj basni v zhanrovom i funkcionalnom aspektah* [The Phenomenon of the English Fable in Genre and Functional Aspects]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University]. 2010, No. 8 (98), pp. 70–72. (In Russ.)
 44. Kritskaya, N.V. *Dzhon Gej, anglijskij Lafonten* [John Gay, English Lafontaine]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice]. 2013, No. 11 (29), pp. 116–118. (In Russ.)
 45. Vorobjeva, K.S., Merezhko, A.A. *Osobennosti anglijskoj literaturnoj basni XVIII veka na primere tvorчества Dzhona Geya* [Features of the English Literary Fable of the 18th Century on the Example of the Work of John Gay]. *Aktualnye voprosy sovremennyh gumanitarnykh nauk: Sbornik nauchnykh trudov po itogam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Topical Issues of Modern Humanities: A Collection of Scientific Papers Based on the Results of the International Scientific and Practical Conference]. Yekaterinburg, Areal LLC Publ., 2016, Issue III, pp. 34–36. (In Russ.)
 46. Vorobjeva, K.S., Senyukova, O.V. *Koncept “dobrodetel” i sposoby ego reprezentacii v basnyah Dzhona Geya* [The Concept of “Virtue” and Ways of its Representation in the Fables of John Gay]. *Dostizheniya vuzovskoj nauki* [Achievements of University Science]. 2013, No. 7, pp. 258–263. (In Russ.)
 47. Vorobjeva, K.S., Merezhko, A.A. *Reprezentaciya konceptov “good” i “evil” na primere tvorчества anglijskogo basnopisca Dzhona Geya* [Representation of the Concepts “Good” and “Evil” on the Example of the Work of the English Fabulist John Gay]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki* [Scientific Bulletin of the Belgorod State University. The Humanities Series]. 2014, No. 6, pp. 67–71. (In Russ.)
 48. Gay, J. *Zajchiha i druzya*. Per. V.I. Panchenko [The Hare and Friends. Trans. by V.I. Panchenko]. URL: http://world.lib.ru/w/wasilij_i_p/txt-34.shtml
 49. Gay, J. *Staruha i ee koty*. Per. M.T. Polykovskogo [The Old Woman and her Cats. Trans. by M.T. Polykovsky]. URL: <https://stihi.ru/2011/07/04/4541>
 50. Gay, J. *Krysolov i koty*. Per. M.T. Polykovskogo [The Pied Piper and Cats. Trans. by M.T. Polykovsky]. URL: <https://stihi.ru/2011/07/06/3668>
 51. Gay, J. *Byk i Mastif*. Per. M.T. Polykovskogo [The Bull and the Mastiff. Trans. by M.T. Polykovsky]. URL: <https://stihi.ru/2016/02/04/5562>
 52. Gay, J. *Motylek i Ulitka*. Per. M.T. Polykovskogo [The Moth and the Snail. Trans. by M.T. Polykovsky]. URL: <https://stihi.ru/2016/02/10/5965>
 53. Gay, J. *Spaniel i Hameleon*. Per. M.T. Polykovskogo [The Spaniel and the Chameleon. Trans. by M.T. Polykovsky]. URL: <https://stihi.ru/2016/02/14/5215>
 54. Gay, J. *Vepr i Baran*. Per. M.T. Polykovskogo [The Boar and the Ram. Trans. by M.T. Polykovsky]. URL: <https://stihi.ru/2016/02/17/9525>
 55. Gay, J. *Basni. Chast II (I–X). Perevod i primechaniya E.D. Feldmana* [Fables. Part II (I–X). Translation and Notes by E.D. Feldman]. *Hudozhestvennyj perevod i sravnitelnoe literaturovedenie. X: Sbornik nauchnykh trudov*. [Literary Translation and Comparative Literary Studies. X: Collection of Scientific Works]. Moscow, Flinta Publ., 2018, pp. 286–324. (In Russ.)
 56. Gay, J. *Basni. Chast II (XI–XVII). Perevod i primechaniya E.D. Feldmana* [Fables. Part II (XI–XVII). Translation and Notes by E.D. Feldman]. *Hudozhestvennyj perevod i sravnitelnoe literaturovedenie. XI: Sbornik nauchnykh trudov* [Literary Translation and Comparative Literary Studies. XI: Collection of Scientific Works]. Moscow, Flinta Publ., 2019, pp. 413–438. (In Russ.)
 57. Gay, J. *Triviya, ili Iskusstvo hoditj po ulicam Londona. Perevod i primechaniya E.D. Feldmana* [Trivia, or the Art of Walking the Streets of London. Translation and Notes by E.D. Feldman]. *Hudozhestvennyj perevod i sravnitelnoe literaturovedenie. XII: Sbornik nauchnykh trudov* [Literary Translation and Comparative Literary Studies. XII: Collection of Scientific Works]. Moscow, Flinta Publ., 2020, pp. 332–381. (In Russ.)
 58. *Nekotorye stihotvoreniya Dzhona Geya v perevode Evgeniya Feldmana* [Some Poems of John Gay Translated by Evgeny Feldman]. *Hudozhestvennyj perevod i sravnitelnoe literaturovedenie. XII: Sbornik nauchnykh trudov* [Literary Translation and Comparative Literary Studies. XII: Collection of Scientific Works]. Moscow, Flinta Publ., 2020, pp. 382–386. (In Russ.)
 59. Gay, J. *Izbrannye stihotvoreniya. Perevod E.D. Feldmana* [Selected Poems. Translated by E.D. Feldman]. *Hudozhestvennyj perevod i sravnitelnoe literaturovedenie. XV: Sbornik nauchnykh trudov* [Literary Translation and Comparative Literary Studies. XV: Collection of Scientific Works]. Moscow, Flinta Publ., 2021, pp. 636–657. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 9 августа 2021 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 13 сентября 2021 г.

Статья принята к публикации: 15 сентября 2021 г.

Дата публикации: 31 октября 2021 г.

Received by Editor on August 9, 2021

Revised on September 13, 2021

Accepted on September 15, 2021

Date of publication: October 31, 2021